

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-1-26-37

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*Н.Ю. Сурков*¹

Введение
«Мусульманские демократы»: место в политическом спектре
Исламистские партии в Египте
Иордания: лояльные исламисты
«Исламская демократия» в Тунисе²
Марокко: «мирное сосуществование» монархии и исламистов
Заключение

Поступила в редакцию: 03.02.2020.
Передана на рецензию: 10.02.2020.
Получена рецензия: 22.02.2020.
Принята в номер: 05.03.2020.

Место религиозных партий в политических системах арабских стран²

Центр Ближневосточных исследований ИМЭМО РАН; nsurkov@imemo.ru

В современных условиях политические партии являются основными структурами, агрегирующими интересы различных групп населения. Партии играют ведущую роль в электоральном процессе и в парламентской жизни. Одним из элементов партийных систем арабских государств являются религиозные (исламистские) партии, которые стали особенно активны в условиях «арабской весны» и в последующие годы. В этой связи целесообразно разобраться в том, какую роль на современном этапе играют религиозные партии в политических системах арабских стран. Для ответа на данный вопрос в работе предпринята попытка решить следующие задачи: проанализировать, насколько исламистские партии похожи на партии христианских демократов; определить современное положение исламистских партий в ряде арабских стран (Египет, Иордания, Тунис, Марокко).

Проведенное исследование показало, что в большинстве рассматриваемых стран (за исключением Египта) умеренные исламистские партии стали важной составляющей партийных систем. Причем они заняли в них то место, которое в Европе занимают христианские демократы.

Ключевые слова: *исламисты, партии, Ближний Восток, выборы, арабская весна.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-1-26-37

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

*N.Yu. Surkov*³

Introduction.
Muslim democrats: their place in the political spectrum.
Islamist parties in Egypt.
Jordan: loyal Islamists.
"Islamic democracy" in Tunisia.
Morocco: "peaceful coexistence" of the monarchy and Islamists.
Conclusion.

Received: 03.02.2020.
Submitted for review: 10.02.2020.
Review received: 22.02.2020.
Accepted for publication: 05.03.2020.

The Place of Religious Parties in the Political Systems of Arab Countries⁴

¹ Николай Юрьевич Сурков – старший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, к. полит. н.; orcid.org/0000-0001-7185-7990.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-014-00039.

³ Nikolay Yurievich Surkov – Cand. Sc. (Politics), senior research fellow at the Center for Middle-Eastern Studies of IMEMO, RAS; orcid.org/0000-0001-7185-7990.

Center for Middle-Eastern Studies of IMEMO, RAS; nsurkov@imemo.ru

In the modern world, political parties are the main structures that represent the interests of different social groups. Parties play the leading role in the electoral process and in parliamentary life. Party systems in the Arab states often include religious (Islamic) parties that became especially active during the Arab Spring. In this regard, it is necessary to understand the role that religious parties play in the political systems of the Arab countries at the current stage of their development. In order to answer this research question, the article deals with the following issues: to analyze whether Islamic parties are similar to the parties of Christian democrats; determine the current status of Islamist parties in a number of Arab countries (Egypt, Jordan, Tunisia, Morocco). The study showed that in the majority of the countries under review (with the exception of Egypt) moderate Islamic parties became an important component of party systems and they play the same role as Christian democrats play in Europe.

Keywords: *Islamists, Middle East, elections, Arab Spring.*

Введение

На Ближнем Востоке религиозные партии и общественные движения являются важными участниками политического процесса. Особенно заметной их роль стала во время так называемой «арабской весны», когда именно исламисты, прежде всего «Братья-мусульмане», составляли основу оппозиции или даже приходили к власти в ходе массовых протестов населения. В России «Братья-мусульмане» считаются террористической организацией, и их деятельность запрещена, но это не отменяет того факта, что умеренные исламисты (именно так они себя позиционируют) стали одной из реалий ближневосточной политики. Отсюда возникает необходимость разобраться в том, что собой представляют создаваемые ими политические партии и какую роль они играют.

В отечественной историографии существует довольно большой пласт работ, посвященных политическому исламу. Изучением данной проблематики, в частности, занимаются Долгов Б.В., Сарабьев А.В., Игнатенко А.А., Ражбадинов М.З., Хамзин К.З., Куделин А.А. и др. Однако целесообразно сделать сравнительный обзор участия исламистов в политической жизни в нескольких арабских государствах с акцентом на создаваемые ими легальные партии, а также попытаться определить, какое место в политическом спектре займут религиозные партии по мере продвижения процессов демократизации.

Несмотря на неизбежные различия между странами отдельных регионов, политические партии в них, как правило, вполне вписываются в некие общие схемы или классификации. Партии в демократических странах можно условно разделить на несколько семей [party families], объединяющих партии со схожей идеологией и политическими программами. Кеннет Ньютон и Ян Ван Дет предлагают следующую классификацию семей: социалистические, христианские демократические, аграрные, либеральные, консервативные, националистические/регионалистские, зеленые. При изучении этих семей авторы ограничиваются рассмотрением примеров из числа стран Европы и Латинской Америки. Однако данный подход применим для анализа партийных систем и в арабском мире. В этой связи особый интерес вызывают христианские демократические партии, которые представляют собой умеренно консервативные религиозные партии.

По мнению Кеннета Ньютона и Яна Ван Дета, христианские демократы занимают промежуточное положение между либералами, социалистами и консерваторами.

⁴ The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00039.

Идеология христианских демократов основывается на пяти базовых принципах [13, с. 301]:

1) естественное право – нормы поведения и законы ниспосланы свыше, а люди лишь осознают их в меру своего разума;

2) ставка на такие «естественные» группы, как семья, церковный приход [church], община [community]. Нет индивидуализма, но нет и тирании масс;

3) субсидиарность, т. е. высокая степень автономности естественных групп при принятии решений. Вмешательство государства оправдано для восстановления нормального функционирования естественных общин;

4) защита слабых и бедняков. Государство должно уделять внимание социальной сфере: поддержка семей, развитие образования и здравоохранения, борьба с бедностью и безработицей;

5) социальная гармония и интеграция – преодоление классовых, религиозных и других различий через посредство формальных институтов, которые позволяют социальным группам вести диалог.

Ньютон и Ван Дет полагают, что папа Лев XIII предложил в 1891 году христианско-демократическую доктрину как альтернативу классическому либерализму и набравшему тогда силу социализму [13, с. 299]. Можно предположить, что в мусульманских странах аналогом христианских демократов в XX веке стали умеренные исламистские партии, а появление исламизма (иногда еще используется термин «политический ислам») тоже было попыткой дать альтернативу таким светским идеологиям, как либерализм и социализм.

«Мусульманские демократы»: место в политическом спектре

Как отмечает В.В. Орлов, исламизм стал набирать популярность, когда во многих арабских странах обрушились доктрины «национальных социализмов» (арабского, насеровского, дустуровского, алжирского) [4, с. 414]. Схожей точки зрения придерживается Б.В. Долгов, который отмечает, что на рубеже 80–90-х годов в результате коллапса социалистического лагеря из арабской общественной мысли почти полностью исчезла левая, социалистическая идеология, а образовавшийся вакуум заполнили исламисты, поскольку населению нужна была идеология, которая давала надежду на преодоление социально-экономических кризисов [2, с. 378]. Основатель «Исламского фронта спасения» Аббаси Мадани прямо указывал в своих работах, что две основные идеологии – марксизм и либерализм – переживают глубокий кризис. Отсюда вытекает потребность в «исламской альтернативе» [2, с. 379]. Как и у христианских демократов, у исламистов налицо попытка найти адекватную альтернативу имеющимся светским идеологиям.

Исламские партии и движения активно проникали в профессиональные объединения, создавали благотворительные и просветительские организации, инициировали кампании для решения социальных проблем (бедности, безработицы, развития образования и здравоохранения). Исламисты активно участвовали в работе местных органов власти и даже национальных парламентов. При этом они ратовали за ограничение полномочий исполнительной власти, дальнейшую демократизацию и вели борьбу с «тлетворным» воздействием европейских ценностей [4, с. 412].

Идеологи исламизма ратуют за сохранение «исламских ценностей» как неперемennого условия дальнейшего развития мусульманского общества. Они видят свою стратегическую цель в создании «исламского государства», основанного на законах Корана и социальной справедливости [2, с. 377].

Исламистская идеология включает в себя несколько основных тезисов, которые перекликаются с доктриной христианских демократов. Первый – универсальность исламских моральных и этических принципов, изложенных в Коране и Сунне. То есть речь идет о естественном праве. Ведь исламисты ратуют за то, чтобы основой и «источником» законодательства во всех мусульманских странах был именно Коран.

Второй важный тезис современных исламистов – духовный тупик и моральная деградация западного общества, которая выражается прежде всего в разрушении естественных общин, особенно семьи. Налицо признание важности естественных групп. Наконец, третий тезис – построение исламского государства, для которого характерна социальная справедливость. Тут необходимо отметить, что для большинства идеологов исламское государство – государство демократическое, поскольку оно основано на принципе совещательности (или шуры), который гарантирует социальную гармонию.

Умеренные исламистские партии легализованы в целом ряде стран: Тунисе, Марокко, Иордании, Кувейте, Алжире и др. Большую роль умеренные исламисты играют в политической и общественной жизни самой многонаселенной арабской страны – Египта, где на волне арабской весны они в 2011–2013 гг. создали свою партию и даже на некоторое время пришли к власти.

Исламистские партии в Египте

Исламистские организации существовали в Египте с 20-х годов XX века. Однако возможность создавать полноценные политические партии появилась у них только после революции 2011 года и свержения президента Хосни Мубарака.

Чтобы лучше понимать суть идеологии движения «Братьев-мусульман» (БМ), необходимо проследить историю его создания и развития. Оно было создано еще в 1928 году в самой экономически отсталой части страны – в Верхнем Египте, в городе Исмаилия. Основателем движения стал школьный учитель и исламский проповедник Хасан аль-Банна, который стремился покончить с бедностью и колониальной зависимостью страны. Он выступил с идеей построения демократического исламского государства, основанного на принципах Корана и Сунны [1, с. 58]. Трудно сказать, был ли аль-Банна знаком с идеями папы Льва XIII, однако его доктрина тоже задумывалась как альтернатива существовавшим тогда идеологиям. Изначально БМ занимались не политической деятельностью, а благотворительностью, воспитанием и религиозным образованием, что было востребовано в условиях отсталости и нищеты, поэтому уже в конце 40-х годов численность членов движения превышала, по некоторым данным, полмиллиона человек.

Когда в 1952 году к власти в Египте пришли «Свободные офицеры» во главе с Гамалем Насером и была провозглашена республика, БМ приветствовали перемены, но отношения с новым режимом у них не сложились. В феврале 1954 года движение запретили. БМ ушли в подполье и продолжили заниматься благотворительностью, набирая популярность среди интеллигенции и мелкой буржуазии. Анвар Садат, который сменил Насера на посту главы государства в 1970 году, смягчил политику по отношению к исламистам.

Президент Хосни Мубарак (1981–2011 гг.) проводил в отношении БМ двойственную политику. Они оставались запрещенной организацией, но имели возможность проводить небольшие мирные акции, сотрудничать с некоторыми политическими партиями и даже участвовать в парламентских выборах в качестве независимых кандидатов. Отечественные исследователи характеризуют деятельность БМ как политический активизм [5, с. 114].

Постепенно участие БМ в политической жизни возрастало. В 2005 году представители «Братьев-мусульман», баллотируясь в качестве независимых кандидатов, получили 76 мест [14] в нижней палате парламента (около 20 %) и сформировали

крупнейшую на тот момент оппозиционную фракцию. Во второй половине 2000-х годов египетские власти, озабоченные ростом влияния БМ, усилили репрессии, поэтому арабскую весну движение встретило, находясь фактически на подпольном положении.

Во время революции 2011 года «Братья-мусульмане» почти не участвовали в протестах [17, с. 179], опасаясь новых репрессий, но после отставки президента Хосни Мубарака они активизировались и создали «Партию свободы и справедливости» (ПСС). После революции в Египте сложилась конфликтная партийная система, для которой была характерна острая конкуренция между светскими партиями либерального толка и исламистскими партиями, основной из которых стала ПСС. Номинально ПСС была светской партией, поскольку закон запрещал создание религиозных партий. Однако на практике ПСС находилась под полным контролем БМ, а членам движения было запрещено вступать в любые партии, кроме ПСС. Всего же доля «братьев» среди членов ПСС достигала 40 % [15].

С точки зрения организационной структуры, ПСС представляла собой партию смешанного типа – *branch* и *cell*. У партии имелись местные отделения по всей стране, но большое значение имели также ячейки внутри профессиональных ассоциаций. ПСС получала финансирование за счет членских взносов, а также спонсорских пожертвований. ПСС выступала под лозунгом установления социальной справедливости, демократии (на основе исламского принципа «шуры» – совещательности), расширения полномочий местных органов власти, развития образования и здравоохранения, борьбы с бедностью и коррупцией. И все это за счет внедрения исламских норм во все сферы жизни, а также принятия конституции и законов, основанных на Коране и шариате. На выборах 2011–2012 гг. ПСС получила 235 мест [21] (47,2 %) в Народной ассамблее (нижней палате парламента). При этом она опередила так называемый «Исламистский блок» во главе с фундаменталистской (салафитской) партией «Ан-Нур», которая получила 127 мест. В июне 2012 года кандидат от ПСС Мухаммед Мурси стал президентом Египта.

Правление исламистов в Египте оказалось недолгим. Несмотря на масштабную финансовую помощь от внешних спонсоров (прежде всего Катара), им не удалось оперативно справиться с экономическим кризисом, охватившим Египет после революции, и массовые социальные протесты дали армии оправдание для отстранения Мурси от власти [3, с. 26]. После военного переворота в июле 2013 года движение «Братьев-мусульман» было объявлено террористическим. В последующие месяцы было арестовано около 10 тыс. активистов движения. В результате руководство организации оказалось либо в тюрьмах, либо в эмиграции. ПСС также попала под запрет и была распущена по решению суда в 2014 году. При этом среди «Братьев-мусульман» начала набирать популярность идея насильственного сопротивления в ответ на преследование и террор со стороны властей [7, с. 10].

При президенте Абдель Фаттахе ас-Сиси египетское законодательство запретило создание политических партий религиозной направленности. Тем не менее, в Египте насчитывается, по меньшей мере, восемь легальных политических партий, которые являются де-факто исламистскими: Ан-Нур («Свет»), Аль-Бина ва ат-танмия («Партия строительства и развития»), Аль-Ватан («Родина»), Аль-Васат («Центр»), Аль-Асала, Аль-Фадила, Аш-Шааб («Народ»), Аль-Мыср аль-кауия («Сильный Египет»).

По состоянию на начало 2019 года в парламенте страны была представлена только салафитская партия «Ан-Нур» с 12 депутатскими мандатами. Эта партия была создана после революции в 2011 году как политическое крыло общественного движения «Ад-Дауа ас-салафия» («Салафитский призыв»). Она придерживается ультраконсервативной идеологии и выступает за строгое соблюдение шариата (в фундаменталистской интерпретации). На парламентских выборах 2011–2012 гг. кандидаты от «Ан-Нур» позиционировали себя как защитники бедняков и сумели завоевать 111 депутатских

мандатов (из 498). В дальнейшем у салафитов довольно быстро испортились отношения с «Братьями-мусульманами» и президентом Мурси, которого салафиты даже обвинили в шиитском прозелитизме. Египетские салафиты приветствовали военный переворот 2013 года и приход к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси. Однако они практически не были представлены ни в переходном правительстве, ни в конституционном собрании. В настоящее время многие салафиты призывают «Ан-Нур» прекратить парламентскую активность, поскольку ей не удалось заблокировать ряд законов, которые противоречат шариату.

В целом, опыт Египта показал, что после народной революции 2011 года исламистские партии в Египте достигли необычайного успеха, добившись абсолютного большинства в парламенте и сформировав правительство. При этом они выступали с программами, которые очень схожи с программами христианских демократов в европейских странах. По сути, исламисты попытались занять ту же нишу, что и христианские демократы, то есть предлагали избирателям альтернативу светскому прозападному либерализму и национализму с элементами социализма. Они делали ставку на традиционные ценности, демократизацию и обещали социальную справедливость (защиту уязвимых групп и малоимущих). Слабым местом египетских исламистов оказалось их стремление полностью подчинить себе политическую систему страны и вытеснить всех конкурентов. В результате, когда военные вмешались, ни одна из серьезных политических сил не вступилась за исламистов, которых попросту исключили из легальной политики.

Иордания: лояльные исламисты

В отличие от Египта в Иордании легальные исламистские партии существуют уже более двух десятилетий и остаются значимыми участниками политического процесса. Исламисты появились в Иордании в 1945 году, когда там был создан местный филиал движения «Братьев-мусульман». Иорданские БМ были лояльны королю, что избавляло их от преследований со стороны режима. Они занимались благотворительностью, просветительской деятельностью, что позволило заложить прочную социальную базу. С началом активной парламентской жизни после реформ 1992 года исламисты начали создавать собственные политические партии. В ходе событий «арабской весны» отношения между королевским режимом и частью исламистов обострились [9, с. 5]. Это привело к бойкоту парламентских выборов в 2010 и 2013 годах. Однако затем исламисты стали постепенно возвращаться в публичную политику, поскольку руководство «Братьев-мусульман» сделало ставку на умеренность и сотрудничество с властями [12, с. 13]. К началу 2018 года в Иордании насчитывалось пять исламистских партий и движений, из которых четыре принимали активное участие в общенациональных и муниципальных выборах.

Все исламистские партии выступают за политические реформы и демократизацию страны. Крупнейшей среди них считается партия «Фронт исламского действия» (ФИД), созданная в 1992 году иорданскими «Братьями-мусульманами». ФИД имеет тесные связи с крупными компаниями и благотворительными организациями. Она может использовать для мобилизации сторонников религиозные организации и мечети. Благотворительная деятельность обеспечивает ФИД широкую поддержку со стороны малообеспеченных слоев населения. Партия имеет региональные отделения по всей стране, а также ячейки в университетах и различных профессиональных ассоциациях (например, в Иорданской ассоциации инженеров, которая насчитывает до 150 тыс. членов).

ФИД возглавляет «Национальную коалицию за реформы». В ходе выборов 2016 года эта коалиция получила 15 мест в нижней палате парламента (из 130) [18], что является очень хорошим результатом для Иордании, поскольку большинство мандатов там традиционно достается независимым кандидатам из числа племенных лидеров и

бизнесменов. При этом непосредственно ФИД контролирует 10 мест, что дает ей возможность самостоятельно выступать с законопроектами. Программа партии включает следующие положения: распространение исламского образа жизни и имплементация шариата во все сферы общественной жизни; участие страны в арабском исламском возрождении; восстановление единства нации и демократического строя (шуры); защита человеческого достоинства и прав человека; государственный контроль над деятельностью спецслужб [19].

Конкурентом ФИД является проправительственная «Партия мусульманского центра» (ПМЦ). Это единственная исламская партия в Иордании, которая не связана с «Братьями-мусульманами». Она была создана в 2001 году и позиционирует себя как самая умеренная из всех исламских партий страны. Партия ратует за дальнейшую демократизацию на основе исламских принципов, развитие общественного диалога, защиту прав (особенно равноправия женщин). В 2013 году на выборах в парламент партия завоевала 16 мест (из 150). Однако во многом этот успех объяснялся тем, что в тех выборах не участвовала ФИД. В 2016 году ПМЦ получила 7 мандатов (из 130) [20], уступив ФИД.

Кейс Иордании примечателен тем, что в этой стране исламистские партии уже длительное время являются важной частью политического спектра. На протяжении последних 20 лет это единственная организованная оппозиционная сила, которая способна обеспечить себе заметное представительство в парламенте страны, хотя количество доступных исламистам мест все время колеблется из-за регулярных пересмотров избирательного законодательства и границ избирательных округов. В настоящее время исламисты и их партнеры контролируют около 20 % мест в нижней палате парламента, что дает им возможность влиять на политику властей. Уникальность иорданского кейса заключается в том, что умеренно консервативная идеология, основанная на религиозных принципах, оказалась наиболее востребована населением и режимом. Светские партии не могут конкурировать с исламистами, а абсолютное большинство в парламенте составляют независимые депутаты, которых, как правило, избирают за их принадлежность к тому или иному племени.

«Исламская демократия» в Тунисе

После революции 2011 года тунисские исламисты активно включились в общественно-политическую жизнь. Их основной партией стала легализованная «Ан-Нахда» («Возрождение»). На первых свободных выборах в октябре 2011 года партия получила 89 мест в парламенте (из 217) [10], что позволило ей войти в правительственную коалицию. Некоторые российские исследователи полагают, что популярность «Нахды» объяснялась ее имиджем последовательного борца с авторитарным режимом, однако дальнейшая поляризация тунисского общества показала, что многим гражданам страны (особенно в сельских районах) были близки именно идеи исламистов. Населению импонировали традиционные исламские ценности, в которых люди видели идеологическую альтернативу «социализму» Хабиба Бургибы (1957–1987 гг.) и «либерализму» Бен Али (1987–2011 гг.). В ходе первой избирательной кампании руководство «Нахды» делало ставку на арабо-мусульманскую идентичность тунисцев и обещало борьбу с бедностью, что было актуально для населения сельских районов.

В дальнейшем в стране наметился раскол на сторонников исламского пути развития и сторонников светского режима (противников исламизации), обвинявших «Нахду» в узурпации власти и «похищении революции». Достоянием общественности стали видео, в которых лидер партии Рашид Ганнуши рассуждал о реализации в Тунисе «исламистского проекта», в том числе о постепенном внедрении в стране шариата [10]. Впрочем, так же,

как в Египте, тунисские исламисты не сумели быстро решить накопившиеся социально-экономические проблемы, что дало шанс их политическим оппонентам. Уже в 2014 году в ходе внеочередных парламентских выборов исламисты проиграли коалиции светских партий во главе с «Нидаа Тунис» («Призыв Туниса»). «Нахда» получила лишь 66 мандатов, а «Нидаа Тунис» – 87. Тем не менее, «Нахда» осталась влиятельной силой [11], а ее руководство с 2016 года взяло курс на уменьшение религиозной составляющей при сохранении верности принципу универсальности ислама [6, с. 60]. Примечательно, что лидер партии Рашид Ганнуши стал регулярно использовать термин «мусульманская демократия» по аналогии с христианской демократией в Европе.

В Тунисе исламистская партия попыталась узурпировать власть, пользуясь временной слабостью других акторов, однако встретила противодействие со стороны светских сил. Затем она была успешно интегрирована в политическую систему страны и добровольно взяла на себя ту роль, которую играют христианские демократы в Европе. Тунисские исламисты сумели сохранить значительную часть своего исходного влияния за счет готовности идти на компромисс с другими партиями и удовлетвориться той нишей, которую ей обеспечивает доктрина «мусульманской демократии».

Марокко: «мирное сосуществование» монархии и исламистов

В Марокко существуют две основные исламистские партии: «Партия справедливости и развития» (ПСР) и «Ассоциация справедливости и благотворительности» (АСБ). Их основная социальная база сосредоточена в городах, где много безработной образованной молодежи, а также бедняков-мигрантов из деревни.

ПСР была создана в конце 90-х годов XX века, а заметную политическую деятельность она начала уже в 2000-е годы. Поначалу на выборах ей удавалось завоевывать около 40 мандатов, но по мере обострения социально-экономических проблем, особенно безработицы и коррупции, популярность исламистов росла. Новый этап в развитии ПСР наступил на волне «арабской весны», когда король Мухаммед VI провел конституционную реформу, опасаясь революции. В 2011 году ПСР впервые выиграла выборы и смогла сформировать правительство. В 2016 году на парламентских выборах эта партия получила 125 из 395 мандатов⁵, а ее лидер Абделила Бенкиран во второй раз стал премьер-министром.

Особенностью марокканских исламистов является то, что в политическом плане они стараются демонстрировать лояльность существующему монархическому режиму, поэтому в своей программе они делают акцент не на преобразовании общества, а на решении экономических и социальных проблем. В 2016 году ПСР шла на выборы с обещаниями диверсифицировать экономику, обеспечить стабильный рост ВВП, повысить качество госуслуг и бороться с бедностью (в частности, помогать малообеспеченным семьям в приобретении жилья) [16]. Главной проблемой для ПСР является безработица, для борьбы с которой необходимо стимулировать инвестиции в производство.

Важно отметить, что несмотря на осторожную политику ПСР, королевский двор воспринимает данную партию как угрозу. Участие исламистов в парламентской деятельности рассматривается двором как способ держать их под контролем, но при этом наблюдатели отметили успешные усилия короля по расколу ПСР и отстранению от управления наиболее активных деятелей, в первую очередь премьера Бенкирана в 2017 году.

В отличие от ПСР «Ассоциация справедливости и благотворительности» (АСБ) остается полулегальной организацией, поскольку в центре ее повестки политические

⁵ In Morocco's election last week, the major Islamist party won again. Here's what that means., https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/10/13/what-moroccos-election-results-tell-us-about-islamist-parties/?utm_term=.cfd1c741ce5c

преобразования – борьба с авторитарным королевским режимом и переустройство страны в соответствии с принципами шариата. Созданное еще в 70-х годах движение опирается на обширную сеть благотворительных структур, что позволяет ему организовывать массовые протесты, как это произошло в 2017 году.

С середины 90-х годов эмиссары АСБ работают среди марокканских мигрантов в европейских странах. Создание ПСР как легальной исламистской партии некоторые эксперты называют ответом королевского двора на возросшую в 90-е годы активность антимонархически настроенных мусульманских организаций. Налицо вынужденная попытка кооптировать лояльных исламистов в официальную структуру и дать им возможность участвовать в управлении страной.

Таким образом, в Марокко, так же, как и в других рассматриваемых в данной работе странах, умеренные исламисты заняли нишу, предназначенную в Европе для христианских демократов. При этом в королевстве сложилась весьма любопытная модель функционирования исламистских партий. Власти вынужденно пошли на то, чтобы расширить участие исламистов в управлении страной, а те, в свою очередь, старательно позиционируют себя как лояльную оппозицию, не стремящуюся к политическим преобразованиям. Вместе с тем налицо плохо завуалированное противостояние между двором и ведущей исламистской партией.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в большинстве рассматриваемых стран (за исключением Египта) умеренные исламистские партии стали важной составляющей партийных систем. Причем они заняли в них то место, которое в Европе занимают христианские демократы. Они делают ставку на традиционные ценности и естественное (ниспосланное свыше) право, защищают традиционные институты и продвигают идею широкого общественного диалога для преодоления разногласий. Исламистские партии стали для населения альтернативой либерализму западного образца, арабскому национализму и социализму.

В ходе анализа удалось установить, что в случае проведения свободных выборов исламисты имеют высокие шансы прийти к власти либо сформировать влиятельную фракцию в парламенте. Их партии имеют смешанную структуру (*branch* и *cell*) и смешанные источники финансирования (членские взносы и пожертвования спонсоров), что обеспечивает широкую поддержку, а также дает значительные материальные ресурсы. Примечательно, что изначально для исламистов была характерна хорошая вертикальная организация за счет ставки на ячейки, а затем появились массовые партии.

Популярность исламистских партий определила различное отношение к ним со стороны властей. В тех странах, где авторитарные тенденции сохранились или достаточно сильны, исламисты находятся под сильным давлением, даже если демонстрируют лояльность, а их роль ограничена. В частности, в Египте, где в 2017 году индекс демократии был на уровне 3,36 [18] (что соответствует авторитарному режиму), исламистские партии были либо загнаны в подполье, как это случилось с «Партией свободы и справедливости», либо были вынуждены довольствоваться символическим представительством в парламенте. Схожая ситуация наблюдалась в Иордании, где в 2017 году индекс демократии составлял 3,87 [18]. Там исламисты присутствовали в парламенте, но их возможности были весьма ограничены.

Гораздо более интересная ситуация в странах с гибридными режимами или так называемой «неполноценной демократией» [flawed democracy]. В Марокко, где индекс демократии 4,87 [18] по состоянию на 2017 год (т. е. гибридный режим), исламисты сумели получить большинство в парламенте и стать ведущей силой в правительстве,

однако это сопровождается жестким контролем со стороны королевского двора, который видит в «Партии справедливости и развития» угрозу существующему режиму. Наконец, в Тунисе, где демократизация по итогам «арабской весны» шагнула наиболее далеко и индекс демократии достигает рекордных для Северной Африки 6,32 [18], исламисты являются одной из двух ведущих партий. Причем, отвечая на запросы масс, они позиционируют себя именно как «мусульманские демократы» (по аналогии с христианскими демократами в Европе) и акцентируют демократическую составляющую. Отсюда можно сделать вывод, что в арабском мире в благоприятных условиях исламистские партии вполне способны превратиться в мусульманский аналог христианских демократов и принимать конструктивное участие в политическом процессе.

Литература

1. Бадауи Н.М., Куделин А.А. Влияние Арабского Возрождения (ан-Нахда) на идеологию «Братьев-мусульман» // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». – 2017. – № 1. – С. 53–66.
2. Долгов Б.В. Исламский фактор и социально-политическое развитие арабского мира // Исламский фактор в истории и современности / Ин-т востоковедения РАН; отв. ред. В.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульченко. – М.: Вост. лит., 2011. – 605 с.
3. Исаев Л.М., Коротаев А.В., Гринин Л.Е. Египет после революций: два года президентства ас-Сиси // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 12. – С. 25–32.
4. Орлов В.В. Умеренные исламские партии на арабской политической сцене: пробы сил и оценки 2000-х годов // Исламский фактор в истории и современности. – М., 2011.
5. Саватеев А.Д. Политический ислам в концепциях российских исследователей // Ислам в современном мире. – 2015. – № 11 (2) – С. 109–118.
6. Успенский Ю.И. Взлет и падение «Братьев-мусульман» в Египте и Тунисе // Свободная мысль. – 2017. – № 5. – С. 53–66.
7. Awad M. 'The Rise of the Violent Muslim Brotherhood', Current Trends in Islamist Ideology, 2017. – P. 5.
 - a. In Morocco's election last week, the major Islamist party won again. Here's what that means., https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/10/13/what-morocco-election-results-tell-us-about-islamist-parties/?utm_term=.cfd1c741ce5c
8. How Jordan's election revealed enduring weaknesses in its political system, https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/10/03/how-jordans-election-revealed-enduring-weaknesses-in-its-political-system/?noredirect=on&utm_term=.77c6b74eb18e
9. Köprülü N. Is Jordan's Muslim Brotherhood Still the Loyal Opposition? // Middle East Quarterly. – 2017. – № 24(2). – P. 1–9.
10. Lacroix Stephan. Islam and Politics in Tunisia, https://www.sciencespo.fr/kuwait-program/wp-content/uploads/2018/05/KSP_Paper_Award_Spring_2015_KOCH_Rebecca.pdf
11. Lynch Marc. In Uncharted Waters [Elektronische Ressource]: Islamist Parties beyond Egypt's Muslim Brotherhood / Marc Lynch. Papers 293. – Washington / D.C: Carnegie Endowment for International Peace, 2016.
12. Luck T. The Muslim Brotherhood weighs its options amid political challenges. – The Christian Century. 2016. № 16. – P. 13.9.
13. Foundations of Comparative Politics: Democracies of the Modern World / Ken Newton and Jan W. Van Deth. Cambridge Textbooks in Comparative Politics. – Cambridge [u. a.]: Cambridge University Press, 2005. – P. 301.
14. Otterman S. Muslim Brotherhood and Egypt's Parliamentary Elections, December 1, 2005, <https://www.cfr.org/backgrounder/muslim-brotherhood-and-egypts-parliamentary-elections>

15. Profile: Egypt's Freedom and Justice Party, <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-15899548>
16. Ruling PJD announces electoral platform, <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=464648030&Country=Morocco&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=Election+watch&u=1&pid=1401838124&oid=1401838124>
17. *Selim G.M.* Egypt under SCAF and the Muslim Brotherhood: the triangle of counter-revolution // *Arab Studies Quarterly*. – 2015. – № 2. – P. 177.
18. The Economist Intelligence Unit's Democracy Index, <https://infographics.economist.com/2018/DemocracyIndex/>
19. The Islamic Action Front Party, <http://www.jordanpolitics.org/en/parties-view/1/the-islamic-action-front-party/1>
20. *Timreck Sarah.* The Islamist Spectrum – Jordan's Mosaic, <https://www.wilsoncenter.org/article/the-islamist-spectrum-jordans-mosaic>
21. 2012 Egyptian Parliamentary Elections, <https://carnegieendowment.org/2015/01/22/2012-egyptian-parliamentary-elections-pub-58800>

References

1. Badawi N.M., Kudelin A.A. The Influence of Arab Renaissance (Ennahda) on the Ideology of Muslim Brotherhood. *Bulletin of RUDN. Universal history series*. 2017, № 1. pp. 53-66.
2. Dolgov B.V. The Islamic Factor and Socio-Political Development of the Arab World. *Islamic Factor in History and Modernity*. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences / ed. Editors-in-chief V.Ya. Belokrenitsky, I.V. Zaitsev, N.Yu. Ulchenko. Moscow: Vost. lit., 2011. pp. 376–393
3. Isaev L.M., Korotaev A.V., Grinin L. E. Egypt after the Revolutions: Two Years of of al-Sisi Presidency. *Asia and Africa Today*. 2016, № 12. pp. 25–32.
4. Orlov V.V. Moderate Islamic Parties on the Arab Political Arena: Challenges and Estimates of the 2000s. *Islamic Factor in History and Modernity*. Moscow, 2011.
5. Savateev A.D. Political Islam in the Concepts of Russian Researchers. *Islam in the Contemporary World*. 2015, № 11(2) pp. 109–118.
6. Uspenskiy Yu. I. The Rise and Fall of the Muslim Brotherhood in Egypt and Tunisia. *Free Thought*. 2017, № 5. pp. 53–66.
7. Awad M. 'The Rise of the Violent Muslim Brotherhood', in *Current Trends in Islamist Ideology*, 2017 p. 5.
 - a. In Morocco's election last week, the major Islamist party won again. Here's what that means., https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/10/13/what-morocco-election-results-tell-us-about-islamist-parties/?utm_term=.cfd1c741ce5c
8. *How Jordan's election revealed enduring weaknesses in its political system*, https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/10/03/how-jordans-election-revealed-enduring-weaknesses-in-its-political-system/?noredirect=on&utm_term=.77c6b74eb18e
9. Köprülü N. Is Jordan's Muslim Brotherhood, Still the Loyal Opposition? *Middle East Quarterly*, 2017. № 24 (2), pp. 1–9.
10. Lacroix Stephan. *Islam and Politics in Tunisia*. https://www.sciencespo.fr/kuwait-program/wp-content/uploads/2018/05/KSP_Paper_Award_Spring_2015_KOCH_Rebecca.pdf
11. Lynch Marc. In Uncharted Waters. *Islamist Parties beyond Egypt's Muslim Brotherhood* / Papers 293. Washington / D. C: Carnegie Endowment for International Peace, 2016.
12. Luck T. *The Muslim Brotherhood weighs its options amid political challenges*. *The Christian Century*. 2016. № 16. p. 13.9.

13. Newton, Kenneth. *Foundations of Comparative Politics: Democracies of the Modern World* / Ken Newton and Jan W. Van Deth. *Cambridge Textbooks in Comparative Politics*. Cambridge [u. a.]: Cambridge University Press, 2005, p. 301.

14. Otterman S. *Muslim Brotherhood and Egypt's Parliamentary Elections*. December 1, 2005, <https://www.cfr.org/background/muslim-brotherhood-and-egypts-parliamentary-elections>

15. *Profile: Egypt's Freedom and Justice Party*, <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-15899548>

16. Ruling PJD announces electoral platform, <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=464648030&Country=Morocco&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=Election+watch&u=1&pid=1401838124&oid=1401838124>

17. Selim, G. M. 'Egypt under SCAF and the Muslim Brotherhood: the triangle of counter-revolution'. *Arab Studies Quarterly*. 2015, № 2, p. 177.

18. *The Economist Intelligence Unit's Democracy Index*, <https://infographics.economist.com/2018/DemocracyIndex/>

19. *The Islamic Action Front Party*, <http://www.jordanpolitics.org/en/parties-view/1/the-islamic-action-front-party/1>

20. Timreck Sarah, *The Islamist Spectrum*. Jordan's Mosaic, <https://www.wilsoncenter.org/article/the-islamist-spectrum-jordans-mosaic>

21. *2012 Egyptian Parliamentary Elections*, <https://carnegieendowment.org/2015/01/22/2012-egyptian-parliamentary-elections-pub-58800>